

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФГБОУ ВПО ТЮМЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТЮМЕНСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕМИРНОГО РУССКОГО НАРОДНОГО СОБОРА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

*Материалы Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием*

Тюмень

9-10 декабря 2014 г.

Тюмень

Издательство

Тюменского государственного университета

2014

ваться с боями по Иртышу. На одной из стоянок отряд попал в засаду. Биваясь, казаки успели отчалить от берега. Атаманский струг прикрывал отступление товарищей. Ермак был ранен и упал в воду. Волны Иртыша «кнулись над ним» [2, с. 292]. Авторский текст дополняется зрительным языком. В учебнике А. Н. Сахарова он представлен также иллюстрацией скульптуры М. М. Антокольского «Ермак» [2, с. 292]. Школьникам предлагается ответить на вопрос: «Как образ Ермака и события, с ним связанные, отражены в отечественной культуре и литературе?».

Подводя итог, высажем общее суждение: несмотря на некоторые отличия, которые мы указали выше, в школьных учебниках по истории России представлен образ культурного героя. И образ Ермака конструируется скорее как образ литературный. Как отмечает Ю. В. Мянин, в судьбе Ермака несколько моментов особенно притягательны для литературной обработки: 1) переход от побед над ханом к поражению, от славы к бесславию; 2) владычество случая в гибели Ермака; 3) гибель на вершине удачи, в момент торжества, что выражало излюбленную романтиками мысль о соединении счастья с несчастьем [3, с. 85]. И нужно согласиться с суждением главного героя романа В. Орлова «Бубновый валет» В. Н. Куделина, который заметил: «Ермак Тимофеевич — вообще личность совершенно неисследованная, но исследовать его судьбу и нрав чрезвычайно трудно» [4, с. 405].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черникова Т. В. История России. X-XVII вв.: учеб. для 6-7 кл. общеобразоват. учеб. заведений / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Дрофа, 1997. 400 с.
2. Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. Ч. 1: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. 7-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово» — РС», 2009. 320 с.
3. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
4. Орлов В. В. Бубновый валет // Трусаки и субботники. М.: Астрель: АСТ: Полиграфиздат, 2010. 607 с.

Д. Н. МАСЛЮЖЕНКО, Е. А. РЯБИНИНА

ПОЧЕМУ КУЧУМ НЕ СТАЛ ЗАЩИЩАТЬ ИСКЕР?

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, казалось бы имеет достаточно простой ответ. Несмотря на то что Искер, по наблюдениям А. П. Зыкова имел несколько линий мощных укреплений [1, с. 22-26], они, однако, так и не были использованы при обороне, поскольку Кучум покинул город. Ответ на поставленный вопрос дал еще первый исследователь остатков этого города В. Н. Пигнатти, который отметил отсутствие запасов воды и продовольствия, а также невозможность организации тайного отступления [2, с. 204]. В современной историографии итоги обсуждения даны в книге В. В. Трапавлова, по-

священной Сибирскому юрту после Ермака. По данным летописей, он указывает на решающую роль огнестрельного оружия казаков, бегство остяцких князей и татарских воинов, а также повторяет первые два аргумента В. Н. Пигнатти [3, с. 11]. Хотя запасы продовольствия в крепости, видимо, были, поскольку казаки, войдя в Искер 26 октября, обнаружили в опустевшем городе не только «богатства множества», но и «хлеба» [3, с. 30]. Однако этих запасов, очевидно, было не настолько много, чтобы дать даже казачьему отряду перезимовать, не испытав голода.

В этом отношении более сложен вопрос о численности населения этого города (не обсуждая здесь вопрос о применимости самого этого термина) и его достаточности для организации обороны от отряда казаков, общее количество которых по различным подсчетам было от 840 до 540 человек, хотя последняя цифра признается более правдоподобной [4]. Из общего числа по данным летописей более 100 погибло в предыдущих битвах, т. е. под Искером оказалось чуть больше 400 человек. Точный подсчет населения Искера и его окрестностей невозможен в связи с известным фактом разрушения значительной части городища. Хотя уже такие исследователи, как Г. Ф. Миллер и В. Н. Пигнатти писали, что размеры крепости не позволяли жить здесь кому-либо кроме хана, его семьи и людей, а также немногочисленных знатных татар [5, с. 228; 2, с. 203].

Приблизительные цифры могут быть выведены исходя из общей площади городища на основе разработок, предложенных Н. П. Матвеевой и ее коллегами для городищ раннего железного века, расположенных в том же регионе. Укрепленная часть Искера, по данным И. В. Белича, была около 2 га [6, с. 144], общую площадь неукрепленной части посада на данный момент подсчитать невозможно. По подсчетам тюменских археологов на Рафайловском городище, которое было центром экономической зоны, на площади 6 га, включавшей укрепленную часть и селище, проживало от 400 до 900 человек [7, с. 172]. В нашем случае собственно за укрепленными стенами проживало от 150 до 300 человек, т. е. действительно только семья, двор и гвардия хана. С учетом значительных потерь в предыдущих битвах и проживания в посаде лишь потенциальных ополченцев последствия организации надежной обороны Искера еще и при столь незначительном числе воинов непредсказуемы, даже с учетом возможных проблем у Ермака при взятии надежных эшелонированных укреплений. Очевидно, что Кучум и его окружение в предыдущие годы не рассматривали возможности нападения на столичный центр, который был защищен системой пограничных крепостей [8, с. 205-221]. С учетом тактики и стратегии Сибирского ханства значительная часть воинов при этом ориентировалась на более традиционные конные полевые столкновения в открытом поле и не были подготовлены к обороне крепостей [8, с. 223-224].

Однако, возможно, существовали и другие причины, связанные с менталитетом степной элиты, представителями которой, несомненно, были хан Ку-

чум и его племянник и полководец Маметкул. Потеря Искера, как и других городков, точное число которых является предметом дискуссии [9, с. 5-9], в условиях возможности сохранения кочевого образа жизни рядом сибирских аристократов не стала причиной ликвидации местной государственности, хотя и могла ударить по статусу и авторитету местных династов. По мнению В. В. Трепавлова, потеря трона могла рассматриваться как утрата божественного благоволения «царственного фарра», т. е. поддержки хана высшими силами [3, с. 138].

Однако при этом признание сибирской государственности русскими дипломатами выражалось в сохранении за Кучумом и его сыном Алеем титула сибирского царя [10, с. 62]. Более ранние материалы истории Тюменского юрта показывают, что «tron» мог быть не абстрактным выражением, а реальной инсигнией власти, связанной с периодом Золотой Орды [11, с. 92; 12, с. 95-96]. Так, тюменский хан Абу-л-Хайр в конце 1440-х гг. захватил «tron Саинхана» и Орду-Базар, затем его мог снова получить хан Большой Орды Ахмед в 1469 г. после убийства Шейх-Хайдара б. Абу-л-Хайр, а в 1481 г. бывший союзник Ахмеда и новый хан Тюмени Ибрахим вновь захватывает «Саинский стул» и Орду-Базар. Привязка этого трона к Орду-Базару, т. е. кочевой ставке, симптоматична. В условиях Тюменского и Сибирского юртов основную роль должны были играть не расположенные на крайней северной периферии столичные центры, а именно традиционная кочевая ставка хана. О неких кочевьях сибирского царя Кучума, или «Царевых кочевьях», расположенных на Тоболе, между Тюменью и уфимской волостью Карагабын, сообщается в переписке тюменских и тобольских воевод [5, с. 348, 350]. Скорее всего, речь может идти не только о кочевьях периода изгнания из Искера, но и о маршрутах еще периода существования государства. Очевидно, что для Кучума, значительную часть времени прожившего в степях, среди ногайских родственников, такой образ жизни был вполне привычен, хотя в дальнейшем по мере старения и начинал вызывать известные жалобы [3, с. 12].

Кочевой образ жизни хана и его окружения был традиционно престижен для всей татарской аристократии постордынских государств. Искер при этом мог быть лишь стационарной столицей на самом севере подконтрольных хану земель, функции которой ограничивались контролем над финансами, пушниной и торговыми путями. Возможно, она была привязана к местам зимовок хана, если трактовать одно из названий этого города «Кашлык» как кишлак, т. е. «зимовка». Деление кочевий всех предшествующих Шибанидов на летовки и зимовки было вполне нормальным явлением, хотя зимовка при этом и была, как правило, на юге, например Сырдарье. Однако в условиях сокращения маршрутов и земель, подконтрольных Кучуму и его родственникам, могла сместиться и зимовка. Потеря такого центра с позиции кочевой аристократии не вела к исчезновению самой власти над юртом и не учитывалась в геополитическом раскладе, хотя, несомненно, и ударяла по престижу ханской власти. При этом Кучум, скорее всего, вывел из города свой двор (т. е. администра-

тивный аппарат), семью и часть казны, т. е. с его точки зрения в Искере не оставалось ничего потенциально полезного.

Ряд исследователей предполагают, что Кучум в Искере «был если и не открытым врагом, то уж точно не желанным властелином» [8, с. 41, 129]. Исходя из этого, оставление Кучумом столицы может рассматриваться и как бегство с территории, население которой в целом было к нему враждебным. Однако при этом необходимо учитывать то, каким образом Искер стал частью владений сибирских Шибанидов в лице Муртазы и его сыновей Ахмед-Гирея и Кучума. Город Сибирь известен еще по сообщениям русских летописей в 1483 г. как центр Сибирского княжества, которое было частью угорского мира. В середине 1490-х гг. власть на этот город распространили беки из династии Тайбуgidов, бывшие еще в начале XV в. хакимами Чимги-Туры. Классическая для историографии версия, основанная на информации «Сибирских летописей», была изложена еще А. Оксеновым: «Мамет..., чувствуя себя достаточно могущественным, чтобы отделиться от Сибирского ханства, он ушел из города Чингидима на р. Иртыш, где и основал княжество...», хотя далее он, в отличие от многих авторов XX в., писал «...если не совершенно независимое, то только номинально признававшее верховенство ханского Ибакова рода» [13, с. 15]. При этом летописи указывают, что «по сем... Мамет... град свой Чингиден разруши» [14, с. 47].

Однако в 1495 или 1496 гг. в Тюменском юрте начинается формирование объединенных ногайско-сибирских войск для похода на Казань во главе с ханом Мамуком, который был возведен на престол сразу же после смерти брата [15, с. 183]. Необходимо заметить, что при подготовке подобного похода Мамук, который в источниках, как и брат, именуется «ногайским» или «шибанским» царем, должен был знать о стабильности тыла. Следовательно, на тот момент, во-первых, столкновений с Тайбуgidами не было, а, во-вторых, возникают сомнения в разрушении столичного центра Чимги-Туры, что было бы значительным ударом по авторитету местных ханов. К тому же этот город упоминается и в дальнейших событиях. По всей видимости, в середине 1490-х гг., приблизительно в период смерти Ибрахима, бывшие буркутские хакимы Чимги-Туры из Тайбуgidов распространяют власть Тюменского юрта к северо-востоку, вплоть до Иртыша, где ранее присутствие Шибанидов не фиксируется. Скорее всего, они стали править в новых владениях от руки тюменских ханов, будучи беклярибеками [16, с. 386]. При этом их правление отнюдь не было спокойным. Сибирские летописи перечисляют местных правителей: «По князе же Мамете княжил Ябалаков сын Агиш. По нем же Маметов сын Казым. По нем Казымовы дети Едигер, Бекбулат» [14, с. 48]. В Лихачевской редакции Сибирских летописей имеется сообщение о том, что Казыма убили собственные близкие люди, его дети сумели отомстить, разорили улусы убийц и стали править всеми [14, с. 119]. Постепенное укрепление Тайбуgidов могло быть связано с одновременным ослаблением тюменских шибанидов, пик которого приходится на время после 1510-1511 гг.,

когда обозначилась явная тенденция к уходу Шибанидов и их окружения на юг, в Среднюю Азию. Это и стало причиной сепаратных переговоров Едигера Тайбугида с Москвой в 1555 г. и ответного нападения шибанского царевича на Сибирь в 1556 г.

Так называемый захват Шибанидами Сибирской земли произошел в период конца лета — начала осени 1563 г., поскольку ногайский бек Исмаил, умерший в конце сентября того же года, еще успел написать грамоту в Москву с просьбой организовать переговоры между сибирским и русским («белым») царем [17, с. 22]. Кроме того, князь Чигибень, посол Едигера, в сентябре 1563 г. был отпущен по просьбе Исмаила вместе с ногайскими послами, что было связано со смертью сибирского бека (при этом его жена, дочь Исмаила, и сын находились в Москве). Юридически данное событие вообще следует трактовать не как захват, а как присоединение к Тюменскому юрту сибирских земель по праву приглашения Кучума на престол в Искере: «...сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учали и взяли к себе на Сибирь царевича» [18, с. 370]. Кучум в одном из источников именуется «Тюменским и Сибирским» царем, что отражает двусоставной характер его государства [17, с. 268-269]. Убийство Едигера в таком случае можно рассматривать как уничтожение поднявшего восстание беклярибека и ликвидацию потенциального лидера местного сопротивления, о котором, впрочем, после восшествия Кучума на престол источники ничего не сообщают. Сам факт приглашения на престол показывает значительный уровень поддержки данного действия сибирской татарской аристократией. К ним, видимо, относились и представители «Тайбугина юрта», поскольку грамота царя Федора Ивановича Кучуму от 1597 г. говорит о них: «на которых люди тебе была большая надежда» [10, с. 74].

Таким образом, оставление ханом Кучумом Искера и последовавший захват города с очевидностью может быть связан не только с совокупностью материальных причин, но и с отношением самого хана (представителя кочевой аристократии!) к этому городу лишь как к одному из возможных мест размещения ханской ставки, т. е. центра политической жизни Сибирского юрта. Конечно, этот вопрос требует дальнейшего обсуждения и еще раз поднимает вопрос о ногайском и бухарском влиянии на Сибирский юрт, а также реакции среднеазиатских родственников на оставление Искера как важного фактора в дальнейшей сибирской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зыков А. П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1998.
2. Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // Искер столица Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2010. С. 186-226.
3. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост. лит., 2012. 231 с.

4. Солодкин Я. Г. Сколько было «ермаковых казаков» // Мир Севера. 2009. № 6 (69). URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/skolko_bylo_ermakovykh_kazakov/22-1-0-387
5. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Вост. лит., 2005. 630 с.
6. Белич И. В. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири: чертеж «Кучумово городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова // Искер — столица Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2010. С. 122-158.
7. Матвеева Н. П., Ларина Н. С., Берлина С. В., Чикунова И. Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
8. Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
9. Адамов А. А. К вопросу о городах Сибирского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV-XVI вв.)»: тезисы. Симферополь: Крокус, 2013.
10. Трепавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.
11. Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории. Тула: «Гриф и К», 2010. 112 с.
12. Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.
13. Оксенов А. Сибирское царство до Ермака // Томские губернские ведомости. 1888. № 14. С. 14-16.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 255 с.
15. Трепавлов В. В. Сибирско-ногайские отношения в XV-XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: доклады II междунар. конф. Кн. 2. М.; Иркутск; Тэгу: Иркутский государственный педагогический университет, 1997. С. 180-186.
16. Трепавлов В. В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и-Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007-2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост. лит., 2009. С. 370-395.
17. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. СПб., 1801. 315 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 13: Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Типография Н. Ю. Скороходова, 1904. 303 с.